
...Это была кипучая, яростная схватка. Футболисты «Динамо» и «Спартак» (уже в который раз за историю своего существования!) бились за чемпионский титул. Прошло полчаса после начала матча, команды успели обменяться голами, но вот ощущения того, кто из них сегодня окажется фаворитом спортивной удачи, даже у самых опытных и прожженных знатоков спорта так и не появилось. Спартаковцы (они же — «красно-белые», они же — «гладиаторы») в сегодняшней игре избрали тактику стремительных, прорывных атак. Их соперники-динамовцы (они же — «бело-голубые», они же — «динамики») сделали упор на комбинаторику и активные, энергичные контратаки.

Наблюдая за полем и внимая неумолчному гвалту трибун, опера главка угрозыска Лев Гуров и Станислав Крячко напряженно ждали голевого момента. Они болели за «Динамо» (а как же иначе?! — считай, «ментовской» спортивный клуб), и лавина очередной атаки «красно-белых» их серьезно напрягала: а вдруг она закончится мячом в динамовских воротах? И вот в этот самый напряженный момент, едва пробиваясь через неистовство переполненных трибун, из кармана Льва до его слуха вдруг донесся сигнал телефонного рингтона. Судя по тому, что гаджет выдавал неувыдающее «...Как хорошо быть генералом, как хорошо быть генералом...», звонил Гурову не кто-нибудь, а их со Стасом непосредственный начальник (а еще и старый приятель!) генерал-лейтенант Петр Орлов.

Только что не скрежеща зубами, Лев быстро достал телефон и, поднеся его к уху, сердито бросил:

— Да?!

И именно в этот момент зрители, сидевшие впереди него, разом вскочили на ноги, сопровождая это истошным ревом, вскидывая руки и высоко подпрыгивая. Поэтому чем завершилась атака «гладиаторов», Гуров увидеть не смог.

— Ну, чего тебе?! — спросил он без намека на пиетет, не тая раздражения. — Говори громче!

— Да я говорю, — едва разборчиво из-за несмолкающего ора и оглушительного свиста почти прокричал Орлов, — что, как только освободитесь, немедленно придете ко мне. Понял, да? Оба в главк!

— Да понял, понял! — снова получив возможность видеть поле, Гуров едва удержался, чтобы не добавить ядреное, соленое словцо.

Сунув телефон в карман, Лев склонился к Стасу и сообщил ему о том, что их общий приятель-начальник ждет обоих у себя в кабинете.

— Опять «глухаря» хочет подсунуть? — Крячко скривился, как от порции крепкого укуса.

— Скорее всего, — поморщился Лев, безнадежно махнув рукой. — Что там на поле?

— Штанга! — оптимистично улыбнувшись, Стас изобразил жест, как если бы он сам поставил штангу ворот на пути коварного спартаковского мяча.

— Ну, наверное, этим все и ограничится — счетом один-один... — Гуров иронично усмехнулся. — Что-то уже и смотреть не хочется. Всю охоту перебил наш «ген-лейт».

— Да-а-а, он на это мастак... — согласился Крячко. — Блин! Я теперь буду думать только про этого «глухаря». Все, футбол ушел на второй план. Тьфу, твою дивизию! Ну что? Поехали прямо сейчас?

— Поехали... — досадливо вздохнув, Лев поднялся на ноги.

То и дело натыкаясь на чьи-то коленки и извиняясь перед их обладателями, опера бочком двинулись к проходу между секторами трибун. Проводив их взглядом, бородач, рядом с которым сидел Гуров, с многозначительным видом спросил у своего соседа справа:

— В курсе, кто эти двое?

— Какие-нибудь крупные деятели из РФС? — попытался угадать тот.

— Ну-у-у, что ты! При чем тут Российский футбольный союз? — рассмеялся бородач. — Это самые крутые сыщики в системе МВД! Полковник Гуров и полковник Крячко. Работают всегда только по «крупняку». Раскрывают любые дела, осечек у них не бывает. Шерлок Холмс и комиссар Мегрэ завистливо курят в сторонке.

— А вам откуда это известно? — с некоторым подвохом уточнил его собеседник.

— Так я с Гуровым в одном доме живу. Правда, в разных подъездах... — с некоторой даже горделивостью сообщил бородач. — Кстати, мы с ним даже немного знакомы! Да-а-а!

...А Гуров и Крячко, покинув пределы стадиона, сели в свои авто (Лев — в серый «Пежо», а Стас — в ретро-«Мерседес») и, дав газку, отправились в свою родную «контору». Руля по столичным улицам, приятели напряженно шевелили извилинами. В ходе своих размышлений они заранее подбирали наиболее веские, наиболее убедительные аргументы, которые могли бы помочь им избавиться от неожиданного-негаданного «глухаря», свалившегося на их голову.

Вся язва крылась в том, что буквально вчера они закончили запутаннейшее дело, которое как нельзя лучше пригодились бы в качестве сценария для индийского сериала. Гуров и Крячко разбирали дело двух братьев-близнецов, один из которых был человеком очень богатым, а другой — предельно нищим. И вот случилось так, что того, что был нищим, убили. Но родственники братьев подняли тревогу. По их мнению, некие хитрые злодеи на самом деле убили

богатого, а вместо него подсунули бедного, для того чтобы завладеть многомиллионным состоянием. А потому, требовали единокровники, сей же час признайте нас законными наследниками. Опера распутала все хитросплетения этой истории и установили, что на самом деле оба брата живы и здоровы и что они специально придумали эту историю, чтобы найти морально оправданный повод всех прочих родственничков «послать лесом». За раскрытие этого дела Орлов наградил Льва и Станислава сразу двумя выходными. Сегодня они реализовывали первый.

...Когда они подъехали к главку, по городскому ФМ-радио услышали о том, что матч «Динамо» — «Спартак» и в самом деле закончился с ничейным счетом — один-один.

Выйдя из своего «мерина», Станислав саркастично прокомментировал:

— Ну, Лева! Напророчил! Слышал? И в самом деле — братская ничья. Блин! И когда же эти наши футбольныши начнут играть на уровне бразильцев?

— Ничего, Стас, кое в чем мы и бразильцев опережаем! — Гуров включил «сигналку» своего авто и оптимистично улыбнулся. — Не так давно в Бразилии состоялось мировое первенство антропоморфных роботов по футболу. Так наши роботы почти всухую уделали все команды. И бразильцев в том числе!

— Да будет тебе гнать небылицы! — Крячко недоумевающе возрился на приятеля. — Прямо сейчас, что ль, придумал?

— Придумал? — Лев рукой изобразил жест, который можно было понять как «не знаешь — не болтай!». — Ха-ха! Рекомендую: выходишь в интернет, ищи там не девушек в мини-бикини, а новости спорта, науки и техники.

Стас на это ничего не ответил, лишь издал громкое, конфузливо-недовольное «гм!».

Когда опера вошли в приемную Орлова, его секретарша Верочка, которая традиционно «зависала» на телефоне, скороговоркой обсуждая с кем-то из своих подружек

последние тенденции высокой моды, приветливо улыбнувшись, жестом вождя мирового пролетариата размашисто указала вытянутой рукой на дверь своего босса. Это можно было понять как: шеф ждет! И очень даже напряженно.

Переглянувшись (да-а-а, судя по всему, привалило им «счастья» — хоть бочками его маринуй!), опера несколько настороженно шагнули в кабинет. С первого же взгляда было заметно, что Петр пребывает в хмуром раздражении. Увидев визитеров, он небрежно бросил на аппарат телефонную трубку, сопроводив это сокрушенным вздохом, и задумчиво покачал головой.

— Здорово, мон шер дженераль! — изучающе глядя на приятеля-начальника, с ноткой иронии поздоровался Гуров.

— Здравствуйте, здравствуйте, ваше генералейшество! — скомедианствовал Стас. — Дрожим от нетерпения, ибо жаждем услышать: чем же это ты собрался нас «осчастливить»?

— Привет, мужики! Присаживайтесь... — несколько постно, без намека на какое-либо воодушевление, ответил им Орлов, кивком указав на гостевые кресла.

— Ого! — вполголоса произнес Крячко, изучающе глядя на Петра и чуть крутанув головой. — Да ты сам-то, господин начальник, как я погляжу, пребываешь в загадочной для меня меланхолии и труднообъяснимом унынии. Ладно там, своим звонком ты нам обоим в наш законный выходной перебил весь футбольный кайф. Тут и в самом деле не знай как загрузишь... А ты-то что в печали?

Коротко рассмеявшись с какой-то нервинкой, Орлов широким жестом указал на стопку скоросшивателей:

— Считать умеешь? За один лишь вчерашний день — сразу пять дел! Пять! Одно другого краше. Вот, пожалуйста... Крупное хищение в коммерческом банке «Золотой процент». Что случилось? Неведомо каким образом из его хранилища исчезло сто сорок миллионов рублей. Еще дело: при загадочных обстоятельствах бесследно пропала жена владельца сети бутиков «Парижский шарм»... Еще про-

исшествие: гражданин Италии, неделю назад прибывший в Москву по вопросам бизнеса, подозревается в убийстве своего бизнес-партнера. При этом он сам категорически отрицает свою вину, хотя все улики против него. Кстати, именно это дело я и собирался поручить кому-то из вас. Но... — Петр сделал паузу и широко развел руками.

— Но этому воспрепятствовали некие чрезвычайные обстоятельства... — понимающе качая головой, продолжил за него Гуров.

— Да! Представьте себе! — с оттенком досадливой язвительности подтвердил Петр. — Именно обстоятельства в лице... — он указал глазами куда-то вверх.

— Ого! — уже в другой тональности повторил Стас и почесал затылок. — Ты хочешь сказать, этот вопрос держат на контроле у... — он выразительно взглянул на Орлова.

— Именно! — сердито рассмеялся тот. — Он мне звонил около часа назад и лично приказал бросить лучшие силы на поиск преступников. Так что, господа сыщики, можете не брыкаться. Команда дана с самого верха, причем персонально вам. Вот так!

— Впечатляет... — Лев чуть заметно усмехнулся. — И в чем же суть случившегося? Где, так сказать, собака зарыта?

— Лева! Ты что, уже капитулировал и согласился впрячься в эту «телегу»? — с сожалением удивлением на него воззрился Крячко.

— Ста-а-с! — урезонивающе протянул Гуров. — Очнись! Если приказал САМ, то отменить это решение может только лично он или тот, кто над ним. Давай позвоним в Кремль и скажем, что с таким раскладом не согласны, что у нас ЧП: из двух своих законных выходных мы смогли реализовать всего один, и то наполовину. Как считаешь, что нам на это ответят?

Станислав на это ничего не сказал, лишь громко и тягостно вздохнул. Утвердительно кивнув, Орлов сцепил меж собой пальцы рук и, опершись локтями о крышку стола, вполголоса признался:

— Я сам не в восторге от этого приказания, но деваться некуда, будем исполнять. Суть дела вот какая... Фильм «Джентльмены удачи» помните?

— О-о-о... Его я еще пацаном смотрел в нашем районном кинотеатре, носившем громкое такое название «Маяк революции», — Лев ностальгически улыбнулся. — Ты хочешь сказать, что где-то и в самом деле нашли золотой шлем Македонского?

Петр чуть качнул головой из стороны в сторону:

— Нет, нет... Нашли, но не золотой, и не шлем, и не Македонского вовсе. Палеонтологическая экспедиция, которая вела раскопки на Южном Урале, обнаружила некий артефакт, который может «поставить на уши» всю мировую науку...

Как рассказал он далее, информацией о случившемся располагает самой скудной. Но из того, что услышал в разговоре с руководителем своего ведомства, понял достаточно однозначно: находка палеонтологов представляет для исторической науки колоссальную ценность. Однако найденный артефакт кто-то похитил, да еще и убил сторожа при этом. И поэтому нужно приложить все силы для того, чтобы раскрыть это преступление. Более того! Нужно сделать все возможное и невозможное, чтобы похищенный артефакт не был вывезен за границу.

— ...Поэтому, парни, вам сегодня же нужно отправиться к месту раскопок, чтобы в самые сжатые сроки собрать всю необходимую информацию и столь же оперативно провести расследование. Такую установку руководство министерства дало мне, ну а я даю вам. Через два часа вылет вашего самолета, поэтому оперативненько собирайтесь — и в дорогу. Командировочные, причем повышенные, уже выписаны. Билеты до Екатеринбурга уже оплачены. Счастливого пути!

— Ладно, ладно, полетим! — направляясь к двери, Гуров на ходу махнул рукой. — Но прошу учесть один существенный момент: у вора всегда есть фора. Пока мы ищем похитителя, он — точно! — может успеть вывезти ту шту-

ковину за бугор. Поэтому потрудись-ка напрячь таможенню и погранцов, чтобы как следует бдили на своих постах.

— Займусь! — кивнул Орлов, потянувшись за телефонной трубкой.

Выйдя от друга-начальника, к своему служебному кабинету опера некоторое время шли молча.

— Да-а-а... — неожиданно заговорил Стас, недоуменно пожимая плечами. — Лихо он нас обработал! Шли ведь, рассчитывая, что «глухаря» отфутболим и свои законные выходные отгуляем. А на деле что получилось? — риторически спросил он.

— А на деле получилось в полном соответствии со старым конторским приколом: что такое плодотворный обмен мнениями? Это когда заходишь к начальнику со своим мнением, а выходишь с мнением начальника, — смеясь, ответил Гуров. — Ладно, что уж теперь? Будем собираться в Екатеринбург. Надо позвонить Марии, предупредить, что сегодня домой не приеду...

Войдя в кабинет и заняв место за своим столом, Лев достал из кармана телефон. Он набрал номер Марии Строевой — ведущей актрисы одного из самых крупных столичных театров — и после второго или третьего гудка услышал голос жены.

— Лева, я на репетиции. В двух словах — что у тебя? — вполголоса, скороговоркой спросила она.

— Мы со Стасом спешно командированы в Екатеринбург. Сегодня меня не будет. Вернусь дня через два-три, — такой же скороговоркой известил он.

Закончив разговор, Гуров сунул телефон в карман, и в этот момент до его слуха донесся голос Станислава, который кому-то давал пояснения:

— ...Нинусик, ну не надо так переживать! Это недолго, максимум дня два-три. Да, да, конечно! Да, разумеется, все самоцветы Уральских гор — к твоим ногам... Пока, пока!

Взглянув в сторону Гурова и поймав его взгляд, Крячко издал конфузливое «гм-гм!» и, шмыгнув носом, пояснил:

— Да! Это — Нина, с ней мы знакомы уже целых десять дней. Да, у нас все серьезно. Очень серьезно!

— А Наташа где? — поинтересовался судьбой жены приятеля Лев.

— Я не говорил тебе разве? К маме уехала, — махнул рукой Крячко. — Сказала, что устала от жизни оперской жены, надоело ей, видишь ли, постоянно за меня бояться. Так что я, как брошенный мужчина, пытаюсь устроить личную жизнь.

— Да пожалуйста, пожалуйста! — Лев великодушно развел руками. — Как, наверное, ты мог заметить, я уже давненько перестал обращать внимание на твои сердечные дела. С Ниной ты, Зиной или Региной... Да хоть с бригантинной! Для меня главное, чтобы у тебя была внутренняя установка думать прежде всего о работе, а не отвлекаться на какие-то душевные переживания. Только и всего. Ладно, давай отчаливать в Шереметьево. Самолет уже «под парами»...

Достав из шкафа уже несколько запылившиеся «дежурные» дорожные сумки (последний раз такой экстренный выезд случился более двух месяцев назад), опера направились в бухгалтерию. Получив там командировочные, на служебной «Приоре» (и «Пежо», и «мерин» в ожидании хозяев остались скучать на ведомственной стоянке) приятели покатали в аэропорт.

Глядя на проносящиеся мимо городские ландшафты, Станислав задумчиво резюмировал:

— Чую, побегать нам придется с избытком... Да и копать придется очень глубоко. Во всяком случае, комедийных «Джентльменов удачи — два» в этой истории не вижу.

— Да, это верно... — тоже глядя в окно, Гуров коротко кивнул. — И искать нам придется не анекдотичных Доцента, Хмыря и Али-Бабу, а кого-то куда более хитрого и опасного, готового пойти на крайность...

— Как считаешь, убийство сторожа для вора было обусловлено какой-то необходимостью или тот стал его случай-

ной жертвой? — потеряв пальцем кончик носа, Стас покоился в сторону Льва.

— Хм... Пока судить об этом трудно, но в большей степени склоняюсь к тому, что изначально убийство не предполагалось. Скорее всего, сторож в поле зрения вора возник внезапно, и тот, запаниковав, его убил. Надо сказать, сделав этим большую ошибку. Любой вор знает, что убийство, которое он совершил в момент кражи, однажды может не только стать отягощающим обстоятельством на суде, но и ускорить его поимку. Поэтому сделать можно два предположения: украл раритет или вор-новичок, или вор со стажем, но опасющийся за свою жизнь.

— Считаешь, что кража была совершена по чьему-то заказу и вор очень боялся заказчика? — с некоторым сомнением в голосе уточнил Крячко.

— Почти уверен в этом, — коротко ответил Гуров и, мгновение помедлив, добавил: — Еще уверен и в том, что вор, убив сторожа, самому себе наверняка подписал смертный приговор.

— Хм-м-м... — пожав плечами, протянул Стас, скорее всего, собираясь добавить свои резоны.

Но тут в разговор неожиданно вклинился шофер «Приоры», прапорщик Женька, уже не раз возивший их по столице и ее окрестностям.

— Прошу извинить, если суюсь не в свое дело, — с некоторой таинственностью в голосе заговорил он, — но, я так понял, вы говорили про тот случай в Свердловской области на раскопках в горах? Ну, где нашли совершенно невероятный артефакт, который кто-то похитил?

— Да, Женя, именно про это. А ты откуда знаешь о раскопках и пропаже? — Лев изучающе взглянул на водителя.

— Так, Лев Иванович, телик же я смотрю... — Евгений жизнерадостно улыбнулся. — Мне вообще такие программы про всякие там тайны и чудеса очень нравятся. Я по ТВ смотрю только новости и телеканал «Загадки мироздания». Там чего только не показывают! Вот как раз вчера и упоминали

в одном из сюжетов про экспедицию профессора Рябинина. А еще говорили о том, что он выдвинул новую версию эволюции жизни на Земле. По его мнению, первыми разумными существами на планете были не млекопитающие и даже не рептилии, а огромные насекомые. Да, представьте себе!

— Ну-у-у!.. — смеясь, протянул Крячко. — Это вообще ни в какие ворота не лезет. Он бы еще, например, моллюсков назвал первыми разумными существами!

— Станислав Васильевич, а моллюсков, между прочим, я имею в виду головоногих, зоологи уже давно назвали «приматами моря»! — со значением в голосе парировал Женька.

— А-а-а, да! Точно! — конфузливо поморщившись, Станислав согласно кивнул. — Про головоногих я как-то забыл... Но, Жень, все равно считать, что на Земле могли быть разумные насекомые, — это как-то несерьезно. Скажем, пчелы, термиты там, муравьи... Да, в их насекомой жизни есть какие-то намеки на вроде бы разумное поведение. Но мозгов-то у них, что называется, кот наплакал! А объем «черепушки», количество мозга, согласись, в первую очередь показывает способность существа быть разумным.

— Станислав Васильевич! — лихо крутя баранку, Женька торжествующе рассмеялся. — К вашему сведению, мозг слона весит пять кило, а у нас всего полтора. Но я что-то еще не видел слона, который бы, например, писал стихи или хотя бы знал таблицу умножения!

Это было что-то вроде удара под дых.

— А-а-а... Так, э-э-э... — начал было Крячко формулировать свои возражения, но Гуров в этот момент своим лаконичным замечанием прервал затянувшуюся дискуссию:

— Подъезжаем! Быстро на регистрацию!

Выйдя из «Приоры» у здания аэропорта, опера достали из багажника свои сумки и скорым шагом поспешили через толпу отбывающих, прибывающих, провожающих и встречающих. Взяв по ступенькам к входным дверям, Станислав на ходу настойчиво втолковывал Льву:

— ...Дело-то ведь не только в количестве мозгов, но и в их качестве, в количестве в них этих самых... М-м-м... Синапсов! Важно и то, сколько в них серого вещества!..

— Стас, успокойся! — сдержанно помахав рукой, Гуров быстро огляделся по сторонам. — Я не Женька, мне слонново-насекомо-мозговые проблемы, как выражаются молодые, «по барабану». Нам туда! — указал он на очередь у одной из стоек.

Когда они, покончив с формальностями, уже шли на посадку, покопавшись в своем смартфоне, Крячко вполголоса объявил, не тая досады и разочарования:

— Заглянул в интернет... Да, у слона, оказывается, и в самом деле около пяти кило мозгов. Е-к-л-м-н! Им, при таких анатомических показателях, давно уже пора бы стать хозяевами не только всей Солнечной системы, но и Галактики в целом! Мозгов — пять кило! Думай — не хоч! А они, ешкин кот, даже на Земле не из доминирующих. Вот тебе и «венец творения эволюции», позволяющий править миром! Это я про мозг.

Лев на это лишь понимающе усмехнулся: ну что уж теперь поделаешь?! Когда опера разместились в креслах видавшего вида «Боинга» и он, загудев турбинами, начал разбег по взлетно-посадочной полосе, Стас, позевывая, поинтересовался:

— А в Катер... то бишь в Екатеринбург, нам лететь сколько?

— Ну, примерно около двух с половиной часов. Плюс-минус какие-то минуты... — глядя в иллюминатор, пояснил Гуров.

— Тогда я — бай-бай... — закрывая глаза, пробормотал Станислав и всего через минуту мирно захрапел, ухнув в пучину сна.

«Вот что значит бурная ночь с пылкой, знойной женщиной...» — мысленно констатировал Лев, глядя через стекло иллюминатора на уходящие вниз просторы Подмосковья. Гуров еще утром заметил, что его старый друг и напарник

выглядит неотдохнувшим и даже каким-то чрезмерно измотанным. Ну а когда услышал часть телефонного разговора Стаса с неведомой ему «Нинусиком», то сразу же стала ясна причина сегодняшней изможденности приятеля. «Любофф»... Куда ж от нее денешься?

Самому Гурову не спалось. Он размышлял о происшедшем на палеонтологических раскопках на Южном Урале. Что-то похожее ему расследовать уже доводилось. Правда, было это уже давненько, лет пятнадцать назад — не меньше. Археологическая экспедиция вела раскопки на Рязанщине, на месте древнего поселения. И там была обнаружена некая чаша, выточенная из камня, которая предположительно использовалась волхвами дохристианской Руси в религиозных ритуалах. Ее тоже кто-то похитил. Правда, во время совершения той кражи никто не пострадал.

У Гурова, которому Орлов поручил расследование кражи, на поиски похищенного ушло несколько дней. Ему удалось найти свидетеля из местных, который, проезжая на своем авто, случайно увидел на автобусной остановке незнакомого человека. Это и стало ниточкой, которая привела Льва к похитителю. Им оказался недавно обанкротившийся столичный коммерсант, который за счет кражи решил возродить свой бизнес. Гуров задержал его в тот момент, когда похититель уже передавал украденное покупателю — антиквару одного из прибалтийских мини-государств...

...Когда самолет коснулся колесами аэродромной бетонки, Лев потряс Станислава за плечо. Тот, открыв глаза, негромко пробормотал:

— Что, уже прибыли? И долетели, и сели? Надо же!..

Когда самолет замер, они поднялись с кресел и, пройдя к выходу с потоком попутчиков, спустились по трапу, споря на ходу о том, как им лучше добраться до городка Евмеля, в округе которого и работала экспедиция. Гуров предлагал доехать на автобусе. Но Крячко, упершись рогом, настаивал на том, чтобы ехать на поезде.

— Лева, мы уже достаточно нарисковались, отправившись сюда не на «Туполеве», не на «Ильюшине», а на американском летающем металлохламе! — кипятился он. — Хватит испытывать судьбу! Поедем на поезде. Идет он такое же время, что и автобус, но плюсов гораздо больше. Можно и спокойно поесть, и полежать... Причем при гораздо меньшем риске попасть в ДТП. Считаешь, я не прав?

— Ну хорошо! — Гуров махнул рукой. — На поезде так на поезде. Только, Стас, объясни мне такую вещь: что же ты всю дорогу, пока летели, дрых сном младенца? Ты же, я так понимаю, изначально опасался того, что до Катера мы не долетим?

— А хрен его знает! — Крячко чуть двинул плечами. — Так-то авиафобией я не страдаю, но когда глянул на облупленный бок этой амерской леталки, то стало как-то немного неуютно...

Опера вошли в аэродромный автобус, пристроившись у заднего окна. Окинув взглядом громадину авиалайнера, Лев задумчиво повторил последние слова приятеля:

— Стало немного неуютно... Это дело понятное. Только, Стас, боязнь самолетов не «авиафобия», а «аэрофобия».

— Да какая разница?! — хохотнул Стас. — Аэро, авиа... Случись жесткая посадка, тебе будет дело до того, как это назвать — грохнулся, шмякнулся или долбанулся?

— Ой, мужчины, вы бы поменяли тему разговора! — капризно произнесла вошедшая следом за ними модно разодетая дама годами за пятьдесят. — Мне сегодня опять лететь, а вы — про всякие там жесткие посадки... Будьте добры, не нагнетайте. И еще хочу сказать, что в корне не согласна с вашей уничижительной оценкой «Боинга». Это — шедевр западного авиастроения. Не чета всяким там ильюшинским и туполевским карикатурам на «Боинги» и «Эйрбасы».

— Мадам, — Лев как-то непонятно улыбнулся, — приношу вам свои извинения за то, что мы с другом морально вас травмировали. Мы больше не будем. Но прошу принять во внимание, что, согласно мнению журнала «Бизнес-

уик», самый опасный самолет в мире — это «семьсот тридцать седьмой» «Боинг». А вот наши «восемьдесят шестой» и «девяносто шестой» «Илы» — в числе самых надежных.

Изобразив желчную гримасу, поклонница западной авиации демонстративно повернулась к ним спиной и даже отошла подальше. Проводив ее ироничным взглядом, Крячко полупшепотом спросил:

— Слушай, Лева, а вот то, что ты настаивал на автобусе, не может означать, что у тебя боязнь поездов? Или такого не бывает?

Гуров на это рассмеялся:

— Бывает. Это называется... э-э-э... сидеродромофобия вроде бы. Но я этим не страдаю. Просто... Отчего-то вдруг захотелось поехать именно на автобусе. Почему — сам понять не могу. Но раз уж решили, что выбираем поезд, то поедем на поезде.

— Сидемодорофо... Тьфу ты, блин, ну и слово придумали — язык сломать можно! — Станислав удивленно pokrutil головой. — Да, я вот о чем сейчас подумал: а может, тебе на автобусе захотелось ехать не с пустого? У тебя же вон какая интуиция! Что, если ты внутренне почувал что-то неладное, какие-то проблемы, заморочки, если поедем на поезде? А?

Лев, потерев пальцами кончик уха и глядя куда-то в пространство, чуть развел руками:

— Не знаю... Чего-то «такого», негативного, не ощущаю. Ну все! Тему закрыли! От судьбы не уйдешь.

...Опера вышли из аэровокзала и, заметив маршрутку, на лобовом стекле которой значилось «Ж-Дд вокзал», поспешили на посадку. Меньше чем через полчаса они уже стояли в очереди у одной из касс железнодорожного вокзала. С учетом того, что здешнее время опережало столичное на два часа, уральское солнце было уже на закате. Поезд тронулся, когда уже начало смеркаться.

Распаковывая пакет с постельными принадлежностями, Стас удовлетворенно констатировал:

— Вот и ладненько! Как раз к утру будем на месте! Ну что, малость перекусим?

Гуров, взглянув на часы, спустился вниз (ему досталась верхняя полка) и водрузил на столик пакет с продуктами, купленными перед посадкой. Под перестук колес приятели приступили к ужину, обсуждая текущие дела.

Напротив их «кубрика», на нижней «боковушке», сидел рослый парняга с крупным, квадратным лицом. Он тоже ужинал. Впрочем, он не столько ел, сколько пил. Причем не что-нибудь, а водку. Опрокидывая в рот стопку за стопкой, любитель сорокаградусной небрежно закусывал нарезанной колбасой и, что было хорошо заметно, пьянел на глазах. Соседка оперов по «кубрику» — молоденькая девушка, судя по всему, студентка, — с некоторым испугом и осуждением во взгляде украдкой наблюдала за выпивохой. И без слов было понятно, что она пребывает в состоянии тихой паники и в любое мгновение готова бежать куда глаза глядят.

Заметив это, Гуров участливо поинтересовался:

— Вас что-то беспокоит?

— Этот тип напрягает... — полушепотом призналась соседка по «кубрику». — Он ко мне уже приставал на вокзале. И вот такое невезение — ему место дали рядом с моим.

— А вы не бойтесь. Если что — мы его успокоим. — Станислав приятельски улыбнулся: — Мы из органов, так что меры примем. Присоединяйтесь к нам — очень нас этим обяжете.

— Нет, нет, спасибо! — косясь в сторону напившегося ломовика, девушка отрицательно потрясла головой. — Вон мама нагрузила продуктами целую сумку. Просто... Какой ужин? У меня на неделю вперед не осталось никакого аппетита.

А выпивоха, взяв за горлышко пустую бутылку, довольно громко стукнул ее доньшком по своему столику и неожиданно заковыристо матюгнулся. После чего, покачиваясь, шагнул к девчонке, которая сжалась в комок и прижалась спиной к стенке вагона.

— А ну-ка сядь на место! — поднявшись с места, жестко потребовал Гуров. Мужик успокаиваться не пожелал. Он размахивал «розочкой» и вопил на весь вагон непотребщины о привередливых бабах. Гуров шагнул вперед. Но его опередил Крячко.

— Лева, он мой! — свирепо выдохнул он, заступив дорогу перепившему парню.

Тот, демонстрируя неплохую подготовку по части рукопашного боя, выполнил руками замысловатый финт и попытался нанести Стасу удар «розочкой» в шею. Но... Знал бы он, на кого надумал поднять руку! Его запястье с лету замерло, наткнувшись на твердокаменный блок чужой руки, а на переносицу безжалостным тараном обрушился прямой удар тяжелого, словно отлитого из свинца, кулака. На весь вагон разнеслось отрывистое — бумп!!! Мгновенно потеряв не только ориентацию в пространстве, но и гонор, а также всякое самомнение, пьянчуга, роняя свое стеклянное оружие и раскинув руки, рухнул навзничь. На его запястьях тут же защелкнулись браслеты наручников.

Усадив пребывающего в состоянии грогги отморозка на его место, опера с обеих сторон похлопали выпивоху по физиономии. Захлопав глазами, тот с испуганным воплем дернулся, но две пары крепких рук вскочить ему не позволили. Прибежавшая проводница, узнав, в чем дело, ахая, срочно связалась с начальником поезда. Совсем скоро инцидент был исчерпан: буяна высадили на ближайшем полустанке, определив в «обезьянник», и путешественники угомонились.

А в «кубрик», в котором ехали опера, на свободное место пришел крупный дядя за шестьдесят, с бычьей шеей и толстенными ручищами.

— Всем вечер добрый! — прогудел он. — Меня зовут Иван Иванович Соломин, уличное прозвище — Соломинка. Ну, видите же, какой я «худенький» и «хрупкий»... Уже пять годов как пенсионер. Раньше был экскаваторщиком. А вас, простите, как звать-величать?

— Наташа, — застенчиво улыбнувшись, представилась соседка оперов, — студентка, учусь в Уральском педуниверситете...

Переглянувшись (везет им сегодня на соседей!), представились и опера, правда, достаточно лаконично и сдержанно. Но их новый попутчик своими соседями остался очень доволен.

— О, какие в этот раз со мною едут приличные люди! — прокомментировал он. — А то вчера, когда ехал в Бург, таких соседей судьба послала! Два выпивохи — всю дорогу к бутылке прикладывались — и какой-то модник, разодетый как павлин. Как их там называют-то? Хрюки, что ль?

— Может, фрики? — подсказала Наташа.

— Точно, точно! — Иван Иванович подтверждающе вскинул указательный палец. — Сколько ехали, критикой занимался. И то ему в России плохо, и это... Даже «железка»... Ну, наша железная дорога ему не по душе. Ага! Мол, какой дурак сделал ее шире, чем в Европах? Поэтому-то, мол, европцы и смотрят на нас косо. А я ему сказал, что мой батя, он был фронтовиком, рассказывал, что если бы не наша «неправильная» «железка», то Гитлер в два счета до Москвы доскакал бы. На привалах наши бойцы, хоть вроде бы и в шутку, не раз поминали добрым словом царя Николку Первого. Это ж он такое придумал? Простили ему и декабристов. Главное дело, фриц нашей «железкой» попользоваться не смог...

Сообразив, что этот словоохотливый уралец может быть осведомлен и о происшедшем на палеонтологических раскопках, Лев нашел повод включиться в разговор.

— Полностью с вами согласен! — Он изобразил подтверждающий жест. — Все верно! Николай Первый, памятуя о том, что нам помогло разбить Наполеона, — большая протяженность территории России и отсутствие хороших дорог, распорядился сделать нашу колею шире. Кстати, о дороге я и хотел бы вас спросить... Скажите, Иван Иванович, а город Евмель — конечная станция на этой ветке от Екатеринбургa?

— Да, конечная, — кивнул Соломин. — Дальше идут только шоссейки... А вас что интересует? Вы не в сам Евмель едете?

— Нет, мы на палеонтологические раскопки, которые ведутся в тамошней округе, — пояснил Стас.

— А-а-а! Вы, наверное, собираетесь разбирать тот случай, что убили тамошнего сторожа? — догадался их собеседник. — Слышал, слышал... Из нашего села тот мужик.

— Что, об этом уже рассказывали в местных СМИ? — поинтересовался Гуров.

— Не-е-е-т! Какие у нас местные СМИ? У нас только местное сарафанное радио, — рассмеялся Иван Иванович. — Ох, и шустро оно работает! Если что случилось, то и оглянуться не успеешь, как вся округа и что надо, и что не надо знает лучше всяких ТАССов и Би-би-си...

Как явствовало из его рассказа, в карьере Кряжуновском, что рядом с их селом, больше недели назад нашли что-то необычное, о чем он узнал из сообщений все того же сарафанного радио. Что именно нашли, сказать он точно не мог. Насчет этого ходили всевозможные кривотолки. Но вот то, что находка представляла собой огромную ценность, он знал определенно. Загадочный предмет нашли работники карьера, которые там добывали и дробили камень для строительных нужд. Они-то и вызвали ученых. Те приехали, остановили все работы, начали свои раскопки и исследования.

— ...Главный экспедиционер куда-то дал телеграмму, что, мол, нашли штуковину, которой, как он насчитал, целый миллион лет, а то и того поболее. То ли в Бург он сообщил, то ли в Москву... Только чего-то ему никто отвечать не захотел. А у ученых этих и тут начались осложнения. Хозяин карьера бурчать начал, что, мол, из-за раскопок камнедобыча, можно сказать, остановилась, прибыль упала, работягам платить стало нечем. Да еще и покупатели камня начали ему выставать неустойки — у них-то тоже все встало. Пришлось ученым сворачиваться. Правда, один угол карьера для раскопок

им оставили, только ничего другого они больше не нашли. Ну, это я рассказываю так, как сам услышал. А уж если кто переврал, то я не виноват.

— А где они там жили? — поинтересовался Станислав.

— Почему «жили»? Они и сейчас там все еще обретаются. Живут то ли в вагончике, то ли в палатках, подле родника. Находки свои прятали в вагончике — его им хозяин карьера выделил. Места там, я вам скажу, красивые. А еще в километре от карьера есть озеро Хрустальное. Его так прозвали за воду — чистая, как хрусталь. А глубокое! Говорят, если плыть на лодке, то и на десяти метрах глубины дно видать. Что интересно, ни рыбы, ни какой-то иной живности в нем не водится. Но говорят, что оно очень непростое. Вроде бы ночью на его берегах всякую чертовщину можно встретить...

— Это какую же? — Крячко даже вытянул шею в сторону Соломина.

— Врать не буду — не знаю... — тот пожал плечами. — Но болтают, будто те, кто с чертовщиной сталкивался, потом об этом молчат, как будто кому-то дали зарок в секрете это держать. Ну да ладно... Мы о Кряжуновском толковали. Так вот, ночным сторожем эти археологи...

— Может, палеонтологи? — уточнил Гуров.

— Может, и паленоло... Тю ты, е-мое! Не выговоришь! В общем, наняли они человека от нас, из Кряжунова. Он уже давно на пенсии, но, видимо, решил малость подзаработать. Дело-то несложное — сиди себе ночью в вагончике и сиди... Днем-то они сами за вагончиком присматривали. Да и... В деревне у нас все даже смеялись: зачем там сторож?! Никто и подумать не мог, что найдется нелюдь, который придет грабить экспедицию! Да еще кого-то надумает убить... А вишь ты, чего случилось!

— И что же там произошло? — после некоторого молчания спросил Гуров.

— Толком не знаю, но вроде бы вор чем-то ударил сторожа по голове. Возможно, собирался оглушить, но пере-

старался, и мужик умер почти сразу же после удара... — Иван Иванович развел руками.

Они разговаривали под стук колес, обсуждая происшедшее у Кряжунова. Затрагивали и другие темы. Например, Соломин рассказывал о немалом числе всевозможных аномалий, тайн и загадок, с чем сталкивался он сам и слышал от других. По его словам, сама территория Евмельского района представляла собой сплошную аномальную зону.

А поезд мчался и мчался в ночь. За непроницаемо-черным оконным стеклом временами мелькали огни фонарей. Опера и их попутчики пили чай, потребляли дорожную снедь и вели разговоры на самые разные темы. Разумеется, преобладали повествования о тайнах и загадках древнего Урала. В частности, Иван Иванович на полном серьезе доказывал, что описанная Бажовым Медной горы Хозяйка — не выдумка безграмотных, суеверных рудокопов, а самая что ни на есть реальность. По его словам, он сам однажды видел (правда, издалека) на вершине острроверхой сопки в окрестностях Кряжунова, именуемой местными жителями (о, прикол!) Медяшкой, силуэт женской фигуры. Длилось это всего несколько мгновений, после чего неизвестная вдруг словно растворилась...

...Ранним утром, когда поезд с небольшим опозданием прибыл в Евмель, Иван Иванович остановил начавших собираться оперов:

— Мужики, вы чего сорвались-то, как ошпаренные? Куда спешите? Пойдемте со мной. Мне ж тоже до Кряжунова ехать! Я ж говорил вам, что я тамошний. Поедем вместе — мой Сашка на своей «Ниве» доставит нас туда в два счета. И от Кряжунова до карьера довезет вас. Там тоже километра три топать.

Подумав, приятели согласились. Так-то они первым делом собирались заглянуть в Евмельский райотдел, чтобы там взять все исходные материалы, наработанные местными коллегами. Но раз уж выпал такой неожиданный вариант с поездкой прямо к месту происшествия, опера решили

выбрать его. И не только потому, что их «на халяву» отве-зут на базу палеонтологов. Учитывая, что Иван Иванович явно имел в этой местности большой авторитет, знаком-ство с ним могло гарантировать максимальную откровен-ность потенциальных свидетелей из числа кряжуновского населения. И такой возможностью было бы глупо не вос-пользоваться.

...Когда поезд замер у перрона евмельского вокзала, опе-ра вышли следом за Соломиным и вместе с ним пешком отправились в находящийся неподалеку микрорайон, не-официально именуемый Занзибаром. Почему именно так прозвали этот ничем африканским не примечательный око-лоток провинциального уральского городка, никто не знал. Но, по мнению Ивана Ивановича, причины тому были. По его словам, когда-то, еще во времена Союза, в этом микро-районе работал пивбар, называвшийся «Зазнобой». Сначала так и говорили — «Зазноба»-бар, потом сократили до «Заз-но»-бара. А уже потом и вовсе переделали в Занзибар, что стало ассоциироваться со всей тамошней округой.

Сын Ивана Ивановича, Александр, который переехал в райцентр из родного Кряжунова года три назад, оказался под стать своему отцу — такой же крупный, здоровенный, кряжистый, впрочем, как и многие другие кряжуновцы. Он с трудом втиснулся в свою «Ниву» на водительское место, и машина помчала гостей по извилистой дороге, тянущей-ся по лесистым долинам, изобилующим озерцами и озе-рами, между скалистыми пиками и лесистыми сопками. Минут через двадцать езды, когда «Нива» перевалила через длинную, пологую сопку, опера увидели в просветах меж-ду верхушками сосен и берез крыши большого села, рас-кинувшегося в долине, окруженной лесистыми сопками.

— Вот и наше Кряжуново... — торжественно объявил Александр. — Была бы у нас здесь хорошая работа, сроду не уехал бы отсюда!

Вскоре машина катила по сельской улице, застроенной добротными рублеными домами с разноцветными желез-

ными крышами и кружевными наличниками. Соломин-младший остановился у ворот большого дома под синей крышей. Выйдя из машины, Соломин-старший пожал Льву и Станиславу руки и напомнил:

— Закончите свои дела — обязательно ко мне. Да и вообще, если какие вопросы появятся — звоните, заходите... Чем смогу — помогу!

Помахав рукой, он зашагал к калитке. А «Нива», сорвавшись с места, помчалась по улицам села. Вскоре она покинула его пределы и по неровной, извилистой дороге покатилась в северо-восточном направлении. Опера, глядя в окна кабины, с интересом озирали уральские ландшафты — лесистые склоны гор, причудливого вида огромные валуны, небольшое озеро у самого подножия сопки... А еще — бегущие то здесь, то там чистые, прозрачные ручьи.

— Ну, вот мы и приехали! — вырuling на территорию просторной каменистой долины, объявил Александр. — Вон там, за лесом, основной карьер... Слышите, гудят трактора, экскаваторы, самосвалы? Во-о-т! Там сейчас добывают камень. А нам — чуть левее, к закрытому карьеру. Вот там и работает экспедиция.

Полавировав среди остроугольных глыб серого камня, меж которыми кое-где виднелись серовато-малиновые валуны гранита, «Нива» подрулила к выдавшему виды зеленому строительному вагончику. На стук в дверь вышел худощавый мужчина годами за пятьдесят в сером дорожном костюме.

— Доброго дня, Роман Михайлович! — поприветствовал его Александр. — Помните меня? Вот, привез к вам гостей из угрозыска.

— Да, да, помню! — улыбнулся тот. — Здравствуйте, здравствуйте! Проходите. Добро пожаловать!

Поздоровавшись и представившись, опера прошли в вагончик, где находилось еще три человека — молодая женщина и двое мужчин постарше. За чаем с добавкой каких-то ароматных трав, собранных на лесистых сопках,

Роман Михайлович в общих чертах рассказал о своей загадочной находке и ее не менее загадочной пропаже. По его словам, недели две назад в их Уральский институт палеонтологии пришло сообщение о том, что при разработке каменного карьера у села Кряжунова было обнаружено нечто совершенно непонятное, отдаленно напоминающее очень древнее захоронение.

Услышав про захоронение, Гуров удивленно спросил:

— Но разве какие-либо, пусть и древние, захоронения входят в сферу интересов палеонтологов? А вы же, как я понял, палеонтологи? Ну вот... У вас же круг задач чем-то отличается от того, чем занимаются археологи?

Рябинин на это понимающе улыбнулся. Он пояснил, что разница между археологами и палеонтологами, в общем-то, не слишком большая. Археология изучает прошлое человечества, его культуру, экономику, военное дело и так далее. В частности, устройство древних жилищ, какие-то письменные памятники, технические устройства и механизмы древних людей. Ее, так сказать, «родной сестрой» следует считать антропологию. А вот палеонтология исследует времена куда более отдаленные, когда человека еще не было и в помине. А потому главнейшие объекты этой науки — животные и растения. В этом плане палеонтолог — зоолог-ботаник, изучающий биологию самых ранних эпох развития животного и растительного мира Земли. Потому, в отличие от археологии, палеонтология больше связана с геологией.

— Тогда я вообще ничего не понимаю! — Лев недоуменно развел руками. — Если было обнаружено захоронение, то почему сюда приехали именно вы? Или в ближайшей округе археологов найти не удалось?

— А потому, уважаемый Лев Иванович, — Рябинин сделал небольшую паузу, — что находка, сделанная рабочими Кряжуновского карьера, не подпадает ни под какие археологические и палеонтологические рамки и шаблоны. Окаменелые останки, найденные на двадцатиметровой глуби-

не, принадлежат не человеку, а существу, совершенно неизвестному современной науке.

— Ух ты-ы-ы! — воскликнул Крячко. — Вы имеете в виду какое-то инопланетное существо?

— Нет, нет! — профессор негромко рассмеялся и отрицательно покачал головой. — Фрагменты существа, обнаруженные в «линзе» вулканического туфа, на мой взгляд, вполне земного происхождения. Просто обитало оно очень и очень давно, когда еще не было ни Европы, ни Африки, ни обеих Америк. Предположительно его родина — один из древнейших материков, именуемый Лавразией.

— Как, как? Лавразия? — Станислав недоуменно захлопал глазами: — А это где?

— Это — здесь! — Рябинин указал пальцем на пол вагончика. — Территория, на которой находимся мы, когда-то относилась к Лавразии.

— А когда это было? И сколько всего их было, этих «лавразий»? — явно испытывая какой-то внутренний азарт, зачастил Крячко.

Не «расплываясь мыслью», профессор вкратце рассказал, что, по мнению ряда ученых еще начала прошлого века, изначально на совсем еще юной Земле был всего лишь один гигантский материк — Пангея, окруженный суперокеаном Панталассой. А несколько сот миллионов лет назад Пангея распалась на Лавразию и Гондвану.

— ...Вот на этих-то материках и появились первые ростки жизни. Какая она была в точности, мы сказать не можем. Но она была — это точнее точного. Вначале это были микробы, простейшие типа амёб, потом появились многоклеточные животные, грибы и растения... К сожалению, те из них, что не имели какой-либо скорлупы или скелета, не оставили о себе вообще никакой памяти в виде отпечатков на камне. Например, древние медузы. Предположительно они могли иметь гигантские размеры — сотни метров в диаметре. Но... Мы никогда не сможем узнать, какие они были на самом деле. А вот от первых членистоногих

кое-что еще осталось. Они имели хитиновую скорлупу, что и позволило в том или ином виде сохраниться каким-то фрагментам их тел. Кстати, я предполагаю, что первые разумные существа на Земле появились еще во времена Пангеи и Лавразии. И были ими не родственные нам млекопитающие, не рептилии, а очень и очень крупные насекомые. Вполне возможно, по величине соразмерные с человеком.

Как Рябинин рассказал далее, на эту мысль его натолкнули несколько сделанных им палеонтологических находок. Например, у южного края Уральских гор еще лет пятнадцать назад он нашел окаменелость, каковая могла быть конечностью очень крупного членистоногого. Причем находка на себе имела украшение в виде золотого браслета очень тонкой работы. Но тогда это было даже им самим воспринято как некий палеонтологический курьез, как некий странный артефакт. Однако еще несколько похожих находок натолкнули его на мысль о том, что древние насекомоподобные существа, обитавшие в Лавразии, были не просто высокоорганизованными. Они были по-настоящему разумными созданиями, скорее всего имевшими сложную социальную организацию общества, развитую науку и культуру. Не исключено, что развиты у них были различные искусства, хотя себе даже представить трудно, какие картины могли бы писать членистоногие художники, какие песни могли бы петь певцы-инсектоиды. Впрочем, инсектоиды запросто могли создать столь необычные науки и искусства, что современным людям себе даже представить невозможно, какими именно они могли бы быть.

— И как же они могли выглядеть? — осведомился Гуров.

— Как выглядеть... Как я уже сказал, рост у них мог быть в пределах полутора и более метров. А похожи они были, разумеется отдаленно, на кузнечиков, вставших на задние ноги, — невозмутимо пояснил профессор. — Откуда мне это известно? Во-о-о-т! Теперь самое интересное и необычное.

По словам Рябинина, получив информацию о загадочной находке в карьере Кряжуновском, он немедленно от-

правился в Кряжуново, взяв с собой троих помощников. Прибыв на место, ученые обнаружили намертво вросший в пласт вулканического туфа фрагмент странного предмета из очень крепкой керамики. Вероятнее всего, это была часть некоего аналога гроба — ритуальной керамической капсулы для захоронения умерших. И вот внутри этого фрагмента гроба-капсулы обнаружился окаменевший объект, напоминающий по форме голову очень большого кузнечика.

— Ага! Вы нашли часть типа гроба, а в нем — часть типа человекообразного насекомого... Ну, его голова. Так, да? А остальное-то где? — заинтересовался Станислав.

— Трудно сказать... — профессор пожал плечами. — Будем искать!

Как рассказал он далее, об этой находке они немедленно сообщили своим коллегам и академическому руководству. Но... Ответ получили примерно такого характера: не надо валять дурака и морочить нам голову, поскольку мы заведомо знаем, что такого в природе не может быть уже потому, что такого быть не может. И вообще, данная версия антинаучна, ложна и насквозь фальшива, ибо она противоречит непререкаемо-авторитетной теории Дарвина (а лет тридцать назад, наверное, еще и добавили бы: противоречит диалектическому материализму и марксистско-ленинской философии в целом).

— И что же было дальше? — спросил Крячко, подперев голову рукой и обхватив подбородок пальцами.

— А мы на этот ответ дали академическим чиновникам свой: еще больше активизировали поиски. — Рябинин иронично улыбнулся. — И вот моему главному помощнику Михаилу Ростохину — вон он, крайний слева, — крупный молодой мужчина в джинсовке и очках сдержанно кивнул, приподняв руку, — невероятно повезло: там же, на дне карьера, он случайно нашел вход в никому не известную пещеру.

— То есть до этого она была скрыта от чьих-либо глаз? — уточнил Гуров.

— Да, ее закрывала большая груда камней, осыпавшихся со склона карьера. А Мишу заинтересовало — вдруг под этой осыпью что-то есть? И он начал убирать камни. Почти полдня работал. Так же, Миш?

— Ну да-а-а... — закивал тот. — Поработать пришлось основательно. Уже ближе к концу вижу: в склоне, со стороны горы — что-то наподобие входа в пещеру. И, главное, вход этот аккуратный такой! А как расчистил до конца, стало ясно, что это не пещера даже, а что-то наподобие туннеля, уходящего в глубь горы. Ну я сразу же сообщил об этом Роману Михайловичу и всем остальным.

— Да! Да! — подхватил Рябинин. — Когда Миша сообщил нам о своей находке, мы сначала даже не могли поверить такой удаче. Еще бы! Это все равно что на рулетке в казино сорвать джекпот два раза подряд. Но факт есть факт: нам удалось найти материальное подтверждение моей теории о том, что в глубочайшей древности на Земле существовала цивилизация антропоморфных разумных насекомых.

Как поведал он далее, их команда сразу же начала обследование обнаруженного туннеля. Он имел квадратное сечение, его стенки, пол и потолок были вполне гладкими, словно их обработали алмазной фрезой. Высотой и шириной он был около полутора метров. На его обозримом протяжении (а уходил туннель в какую-то совершенно неведомую даль) в двух местах, метрах в тридцати и сорока от входа, вправо и влево от основного «штрека», все так же неведомо куда, в недра горы уходили дополнительные коридоры, правда, меньшей, чем основной, высоты и ширины.

Впрочем, тот, что уходил влево, как выяснилось почти сразу же, имел ограниченную протяженность — всего около полусотни метров (его длину определили с помощью лазерного дальномера). А вот основной туннель и тот, что уходил вправо, судя по показаниям дальномера, оба какого-либо конца не имели. Поэтому именно левый коридор и был исследован по всей его длине. Как оказалось, данное ответвление содержало в себе нечто весьма интересное.

Прежде всего ученые обнаружили некие тексты, вырезанные в камне стен непонятным способом. Осматривая эти совершенно причудливые то ли буквы, то ли иероглифы, исследователи не могли отделаться от ощущения, что их кто-то словно бы вывел неким инструментом, способным плавить камень. Картина была такая, как если бы кто-то раскаленным гвоздем водил по брикету сливочного масла.

Но самое удивительное ожидало ученых в просторном (в полтора человеческих роста!) помещении, которым заканчивался левый туннель. Осветив обширный «подвал» яркими лучами фонарей, они увидели вырезанные в его стенах кругловерхие ниши, которые были заполнены каким-то прозрачным материалом наподобие стекла. Присмотревшись к ним поближе, единственная женщина в экспедиции — кандидат наук Анна Ворчуняк — смогла рассмотреть замурованных в толще «стекла» странных существ явно инсектоидного типа. Одни напоминали жуков-щелкунов, другие — то ли цикад, то ли богомолы. Кстати сказать, нечто похожее ученые видят в кусках янтаря, в которых сохранились попавшие в них доисторические существа наподобие мух, бабочек или там муравьев. Только здесь пленники прозрачного камня были достаточно крупными — до полуметра длины и даже более того.

В дальнем углу этого зала на гранитном постаменте палеонтологи увидели изваяние, изготовленное из какого-то непонятного материала серо-синего цвета. Примерно семидесятисантиметровой высоты, плотно покрытая пылью статуэтка являла собой некое совершенно невероятное существо, имеющее гуманоидно-инсектоидные формы. Его голова по своей форме и анатомическим особенностям полностью соответствовала найденной в пласте туфа окаменелости. Это свидетельствовало о том, что изваяние в самой полной мере отражало реальные контуры тела антропоморфных «кузнечиков».

— ...Да, представьте себе! — улыбнувшись, Рябинин изобразил рукой многозначительный жест. — Мы и в са-

мом деле нашли изваяние прямоходящего (или, точнее, прямоскачущего) «кузнечика». Значит, что о нем можно сказать? Его туловище было как у нынешних кузнечиков: круглая грудная часть и продолговатое брюшко. Из верхней половины грудной части росли две пары трехпалых «рук», а нижние конечности, как и положено кузнечику — «коленками» назад, росли из самого нижнего сегмента груди на границе с брюшком. Ступня напоминала страусиную лапу — трехпалая, с одним пальцем, обращенным противоположно двум, направленным вперед. На спине крыльев не было, только лишь их рудиментарные зачатки.

— Потрясающе! — Крячко ошеломленно покрутил головой. — Вы и об этой находке сообщили в свои научные верхи?

— Да, разумеется! — профессор энергично кивнул. — Мы сразу же отправили и описание изваяния «кузнечика», и его фотоснимки в самых разных ракурсах. Кстати! Вот, можете взглянуть! — Он достал из кармана телефон и вывел на его монитор фотоизображения запечатленного в каком-то твердом материале невероятного существа.

В деталях рассмотрев «кузнечика», опера согласилась: находка и в самом деле совершенно невероятная. Такого им видеть не доводилось еще никогда. Издав задумчивое «хм-м-м!..», Лев неожиданно попросил, достав свой телефон:

— Сбросьте-ка мне по блютузу все снимки «кузнечика», чтобы его можно было рассмотреть в самых разных ракурсах...

— Разумеется! Пожалуйста, пожалуйста! — закивал Рябинин и, поманипулировав с сенсорным экраном, объявил: — Готово!

— Ага, информация поступила, — подтвердил Гуров. — Сейчас я эти кадры отправлю к нам, в информотдел главка, чтобы их разослали по кое-каким инстанциям — таможенникам и в погранслужбу. Ну, чтобы знали, что именно нужно искать у контрабандистов. Все! Отлично! Теперь

наши шансы перехватить «кузнечика» заметно подросли. Роман Михайлович, говоря о том, как был найден загадочный туннель, вы почему-то говорили о нем в прошедшем времени. Я так понял, с ним что-то случилось? Он вдруг куда-то исчез?

— Да, Лев Иванович, к сожалению, он исчез... — Рябинин удрученно вздохнул. — В то самое время, когда мы находились в «подвале» левого хода, изучали его, рассматривали имеющиеся в нем объекты, вдруг произошло нечто неожиданное и пугающее. Откуда-то — и снизу, и со всех сторон — с какого-то момента внезапно раздался непонятный гул, все задрожало. Мы сразу же поняли, что это не к добру, что очень скоро может произойти нечто очень опасное. И поэтому, не мешкая ни секунды, все разом бросились к выходу. Вы видели фильм «Золото Маккенны»? Как его герои по проходу в скале выбирались из золотого каньона? Они скачут на лошадях во весь опор, а следом за ними валятся камни...

— Еще бы! — ностальгически улыбнувшись, Крячко утвердительно мотнул головой. — Такая киношка!.. Еще пацаном смотрел этот фильмец несколько раз подряд.

— Да, я помню, помню, — тоже с ноткой ностальгии откликнулся Гуров. — Сцена впечатляющая! Ну, у американцев это давняя фишка: запредельно опасная ситуация, герои фильма на волосок от гибели, и только в самый-самый последний момент они спасаются лишь каким-то чудом...

— Вот и у нас — точно так же... — профессор жизнерадостно рассмеялся. — Нам удалось выскочить из этого туннеля в самый последний момент. Представляете? Я убегаю следом за Аней, и за моей спиной потолок туннеля тут же смыкается с полом. Звук был такой, как если бы гора громко чавкнула, а потом со стоном вздохнула. Жуть!..

— Представляю... — произнес Лев с задумчивым сочувствием. — Но, берусь предположить, это было не последнее испытание, выпавшее вам в тот день?

— Да, не последнее... — подтвердил Рябинин. — Поскольку мы находились у края котлована, примыкавшего к склону горы, на всякий случай мы поспешили убежать от нее подальше. Да еще и начали выбираться наверх. И что бы вы думали? Внезапно чуть ли не с самой вершины горы вниз обрушилась каменная лавина. Вот уж это грохнуло так грохнуло! Даже земля задрожала. В один миг завалило половину котлована. Теперь до того туннеля, даже если бы он и остался цел, едва ли кто смог бы докопаться. Скальной породы свалилось немерено — сотни и сотни тонн...

И лишь уже выбравшись из карьера, по словам профессора, он вспомнил об артефакте, найденном в загадочном помещении внутри горы. Спасаться бегством ученым пришлось столь стремительно, что сам Рябинин, опасаясь за жизнь своих сотрудников, напрочь забыл о «кузнечике». С горечью глядя на громадную грудку разнокалиберного камня, он и сам, как некое изваяние, недвижимо стоял на краю обширной каменной чаши. Насколько он мог вспомнить, в недрах горы остались и цифровая фотокамера, которой были сделаны снимки всех находок, и обнаруженное там же изваяние «кузнечика»... Теперь все это было погребено в каменной толще и навсегда утрачено для отечественной и мировой науки. Теперь попробуй докажи, что «кузнечик» — не какой-то там вымысел, а нечто, достойное самого пристального внимания палеонтологической, да и археологической науки.

И тут... От горестных размышлений его отвлек голос старшего лаборанта Олега Захаревича. Оглянувшись, профессор не поверил своим глазам: тот, держа перед собой вещевую сумку с чем-то увесистым, недоуменно поинтересовался:

— Роман Михайлович, а эту ерундень куда?

В этот момент Рябинин пережил еще один, правда, уже радостный шок: в распахнутой сумке Олега лежали... И изваяние «кузнечика», и фотоаппарат! Не веря собственным

глазам, профессор подрагивающими руками достал оба предмета из сумки и ошарашенно спросил:

— Олег! А-а-а... Как тебе это удалось?!

Захаревич пояснил, что в тот момент, когда только начался подземный катаклизм, он, будучи человеком обстоятельным и практичным, почти на автопилоте успел схватить и кинуть в свою сумку и фотокамеру, и «кузнечика», после чего ринулся к выходу, увлекая за собой всех остальных. И лишь теперь, увидев грустящего профессора, решил уточнить: не из-за этих ли «прибамбасов» их научный руководитель впал в столь безграничную печаль?..

— Кстати, в новом карьере, — Рябинин указал рукой куда-то в сторону леса, — который начали разрабатывать в километре от нашего, после того как в этом обосновались мы, тоже потрянуло очень даже здорово. К нам оттуда даже работяги прибегали разбираться: что тут у вас творится? Они подумали, будто это мы сами устроили.

— А как бы это вы могли устроить? — недоуменно прищурился Стас.

Профессор на это чуть пожал плечами:

— Как... Ну, например, для того чтобы вызвать горный обвал, иногда достаточно выстрелить из ружья. Вопросы к нам были самого разного характера. Даже мистического.

— Ого! — Крячко недоуменно покрутил головой. — Мистического? И кто же это там мистикой увлекается?

— Эскаваторщик, Николай Алаялов. Он из манси. Более того, — Рябинин приподнял руку с раскрытой пятерней, — он из рода потомственных шаманов. На языке манси шаман — весар хум, то есть «ведающий мужчина». Кстати, именно благодаря ему и был найден обнаруженный в карьере артефакт. Ну, окаменевшая голова «кузнечика». Да! Случилось так, что в разгар рабочего дня Алаялов неожиданно прекратил погрузку камня в самосвал и, заглушив мотор экскаватора, объявил, что с этого места камень больше брать нельзя. Уперся, и все тут! Бригадир долго его уговаривал, потом вызвал руководство компании.

Всего лишь через час на двух легковушках примчались сразу несколько человек — и специалисты, и даже кто-то из главного менеджмента... Те с ходу начали напирать на Николая: ты чего, мол, там придумал? Дескать, почему срываешь работу? А он им объяснил, что работать ему запретили духи гор.

— И начальство с ним сразу же согласилось? — недоверчиво уточнил Станислав.

— Куда там! Сначала на Алаялова они наорали. Матерились, как сапожники, объявили ему, что он уволен... — Профессор укоризненно вздохнул. — Он отнесся к этому совершенно спокойно. Сел на лавочку у вагончика начальника участка, достал из кармана варган и начал исполнять какие-то шаманские мелодии. «Шишки» поняли, что орать на экскаваторщика бесполезно, надо срочно искать ему замену. Запрыгнули в свои авто, и тут вдруг отчего-то забрахлили моторы и у «Лексуса», и у «Майбаха». Водилы разводят руками — чертовщина какая-то. Начальство опять к Николаю: твои штучки? Он им пояснил: своими нехорошими словами вы сильно разгневали и без того рассерженных духов. Чем ругаться, усугубляя ситуацию, перенесите-ка лучше место добычи камня в другое место, примерно на километр отсюда, и духи сразу же успокоятся. «Шишки» подумали — подумали, да и согласились. И — все! Моторы легковушек тут же завелись. Вот хотите — верьте, хотите — нет.

— И что же было дальше? — Лев задал свой вопрос с абсолютно невозмутимым видом, словно слушал не повествование о мистическом, загадочном событии, а, например, прогноз погоды по радио.

По словам Рябинина, о происшествии на каменных разработках случайно узнал преподаватель истории кряжуновской школы и по совместительству местный краевед-любитель. Он позвонил ему и рассказал о загадочном событии в окрестностях их села. Профессор тут же организовал выезд исследовательской группы к кряжуновскому карьеру.

Они провели первичные исследования, и этот карьер оказался настоящим кладом палеонтологических находок.

— ...Здесь несколько уровней залегания окаменевших останков древних существ, — увлеченно рассказывал профессор. — Например, на глубине двух метров нам удалось найти нижнюю челюсть саблезубого тигра. Чуть глубже были обнаружены фрагменты скелета мамонта и шерстистого носорога. Но все это — материальные «послания» эпох не самых отдаленных. А вот «кузнечик»... Да! Этот артефакт мог бы произвести переворот в мировой исторической науке. Но теперь мы даже не представляем, кому он мог понадобиться, кто его похитил, к тому же убив сторожа...

Из дальнейшего повествования Рябина явствовало, что и окаменелость, и найденное изваяние, а также все прочие находки ученые хранили в «штабном» вагончике, в котором и происходила эта беседа. Для того чтобы обеспечить сохранность во всех смыслах бесценных находок, профессор нанял в Кряжунове охранника. Вернее, ночного сторожа. Что интересно, хотя профессор и предлагал неплохое по местным меркам жалованье, избытка желающих стать сторожем почему-то не обнаружилось. Скорее наоборот — обнаружился избыток тех, кто откровенно потешался над намерением Рябина свои находки взять под охрану («Да кому они на хрен нужны, эти «сокровища?»).

Лишь давно уже вышедший на пенсию бывший колхозный плотник Юрий Кисляев решил уважить ученых людей и, не кочевряжась, пообещал:

— Ладно уж, подежурю...

Длилось его дежурство ровно неделю... Члены экспедиции (первоначально предполагалось, что ее работа продлится не более трех-пяти дней, поэтому Рябинин и не стал раздувать штаты) проживали в более комфортабельном жилом вагончике, удаленном от «штабного» метров на тридцать. Профессор по старой привычке (суммарно в экспедиционных разъездах он провел не менее семи-восьми лет) всегда вставал очень рано, с первыми лучами солнца.